

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Генри Киссинджер

ОДЕРЖИМОСТЬ РАЗОРУЖЕНИЕМ*

В начале 1987 года небольшая делегация, в составе которой был и я, встретила в Москве с Горбачевым. Он спросил меня, почему я выступал против рейкьявикской формулы, основные элементы которой стали составной частью американо-советского договора о ликвидации ядерных ракет средней и меньшей дальности, ратификация которого зависит от одобрения сената. Я ответил, что некоторые американцы стремятся к заключению договоров независимо от их содержания; другие выступают против любых договоров, независимо от их содержания. Я же отношусь к третьей группе американцев — заинтересованных в заключении только таких договоров, которые действительно приведут к существенным изменениям. Горбачев спросил было, что, по моему мнению, может привести к таким изменениям, однако, видимо, счел нецелесообразным обсуждать при свидетелях альтернативу благоприятной для СССР рейкьявикской формулы и перешел к другим вопросам.

Эта статья — как бы продолжение прерванной тогда в Москве дискуссии относительно возможностей подлинных изменений в американо-советских отношениях.

* Статья была написана для газеты „Лос Анджелес Таймс“ в январе 1988 г.

Ядерные сверхдержавы, концентрирующие внимание на взаимном сокращении ядерных арсеналов, не замечают, что возникают новые центры влияния, которые к началу будущего века наверняка ограничат ныне решающее влияние сверхдержав. Опыт истории учит, что при этом возникает политическая напряженность, продолжающаяся годы, а иногда и десятилетия. Этот опыт свидетельствует и о том, что

- 1) почти все войны были вызваны не гонкой вооружений, а неспособностью решить основные политические проблемы;
- 2) сдерживание посредством обычных вооружений почти никогда не срабатывало.

К сожалению, рейкьявикская формула, которая привела к заключению договора о ликвидации ядерных ракет средней дальности и выдвинула нереальную цель ликвидации всех ядерных вооружений, девальвировала идею ядерного сдерживания.

В результате становится еще более насущным политическое решение существующих конфликтов, поскольку их эскалации обычные вооружения не в состоянии будут воспрепятствовать. О необходимости политического диалога говорят довольно много, однако на высшем уровне все еще не уделяют первоочередного внимания идее переговоров.

Уже сейчас намечаются политические контуры мира к 2000 г.:

Япония станет значимой военной державой, когда ее расходы на оборону достигнут 2% валового национального продукта, а с учетом расходов на проекты, связанные с обороной, такие как космические исследования, превысят 2%.

Китай в результате экономических реформ усилит как свою военную мощь, так и влияние на международные отношения.

Индия, самая могущественная страна Южной Азии, в будущем еще более укрепит свое положение. Эта страна уже сейчас демонстрирует готовность прибегнуть к силе для достижения своих внешнеполитических целей.

Усилятся сплоченность стран Западной Европы в политической, экономической и военной сферах, отчасти это будет реакцией на то, что они оказывались в стороне, когда решения об их безопасности принимали сверхдержавы.

Безусловно, усилятся нажим развивающихся стран, которые будут требовать более значимой роли в международных делах, большей доли всемирного богатства.

Ни разу в истории столь широкие перемены, причем в самых различных частях мира, не проходили одновременно. В прошлом возникновение даже одного нового силового центра сопровождалось десятилетиями волнений и конфликтов, пока не устанавливался — обычно в результате войны — отражающий новую реальность баланс сил. Если Советский Союз и в дальнейшем будет нагнетать напряженность во всех региональных конфликтах — от Персидского залива до Анголы, от юго-восточной Азии до Никарагуа — поставками оружия, разведывательных данных и политической поддержкой дружественных политиков, то некоторые из этих конфликтов наверняка выйдут из-под контроля и приведут к катастрофическим последствиям. Военное столкновение между Соединенными Штатами и СССР неизбежно ускорит снижение роли обеих сверхдержав и перемещение центра тяжести в другие районы мира.

Не знаю, как прореагировал бы Горбачев на эти мои соображения, но я убежден, что аргументы, базирующиеся на идее равновесия сил, более значимы для лидера, который продвигался по служебной лестнице в партии, подчеркивающей решающую роль „объективных факторов”, нежели сентиментальные надежды на личную симпатию и приглашения познакомиться с американской жизнью и увидеть бассейны в садах особняков.

Наш диалог с Горбачевым, однако, не состоялся. Наиболее консервативная из всех послевоенных американских администраций просто одержима вопросами контроля над вооружениями и улучшением личных контактов с советским руководством. Договор называют историческим, поскольку в соответствии с ним уничтожаются два класса ядерных вооружений, и при этом психически утверждают, что этот договор не создает угрозу безопасности, поскольку необходимые военные акции могут быть осуществлены оставшимся ядерным арсеналом. Тем самым договор стал своей собственной наградой.

Эйфория во время визита Горбачева в США в ретроспективе выглядит как эскапизм, который, в свою очередь, является реакцией на симптомы, а не на причину болезни. В действитель-

ности латентный политический кризис может быть ускорен вследствие постепенного падения роли Соединенных Штатов как лидера и опасности, которая может возникнуть, если Советский Союз, учитывая стремление Запада к спокойному существованию — даже временному — поддастся соблазну изменить соотношение сил в свою пользу.

Развитие технологии со временем неизбежно ограничит ядерное превосходство Соединенных Штатов. Тем не менее, решения американского правительства ускорят этот процесс, не принимая мер по модификации этого положения. Сочетание неблагоприятного положения в области обычных вооружений и — в лучшем случае — паритета в области ядерного оружия уничтожения плюс — де-факто — отказ от стратегической оборонной инициативы раньше или позже деморализует союзников Соединенных Штатов, полагавшихся на защиту Соединенных Штатов. В случае, если не будет достигнуто равновесие в области обычных вооружений — либо путем производства дополнительных вооружений, либо путем переговоров о достижении такого равновесия, возникнет возможность советского шантажа США. Политика в области вооружений и контроля над вооружениями будет в таких условиях определяться кратковременными внутриполитическими целями. Как только Советский Союз осознает, что соображения экономического характера, по всей вероятности, воспрепятствуют росту обычных вооружений, это ослабит позицию Запада в переговорах по достижению равновесия в этой области.

Не исключено, что Горбачев совершенно искренне стремится к передышке: внутреннее положение СССР оставляет ему мало возможностей. Но мы потребуем от него невозможного, если будем ждать уступок, о которых мы не просили, и отказа от шансов, преподнесенных ему на тарелке. Осторожные стратеги в Кремле наверняка понимают описанный мной выше процесс исторических перемен и не могут не видеть, что почти все потенциальные силовые центры формируются на границах СССР. Если этот процесс будет успешным, советский экспансионизм будет сдерживаться не силами США, а в результате усиления пограничных с СССР государств и укрепления сотрудничества между ними. Географическое положение этих новых силовых центров

делает их более уязвимыми при советском преимуществе в обычных вооружениях. Не исключено, что нынешняя политика Запада стимулирует политику СССР нейтрализовать эти пробуждающиеся державы до того, как они существенно усилятся.

Предложения, сделанные в Рейкьявике, имеют важнейшее значение. Однако вместо укрепления стабильности, они с течением времени могут разрушить то здание, которое при сотрудничестве обеих американских партий США строили 40 лет. Чем бы советские руководители ни обосновывали эти предложения, их последствия могут оказаться благоприятными только для СССР: в Европе усилится ощущение бессилия, которое может привести к сепаратным соглашениям между государствами Западной Европы, в частности, ФРГ и Москвой. Кроме того, советское руководство будет пытаться добиться уступок со стороны Китая еще до того, как экономическое развитие этой страны сделает ее более стойкой (предложение Горбачева о проведении советско-китайской встречи в верхах является, возможно, первым шагом в этом направлении). Такого рода результаты, в свою очередь, заставят Японию приспособиться к новым реалиям и положиться в деле обеспечения независимости государства только на свои уникальные общественные и политические институты.

При этом Америка-цитадель — мечта столь многих изоляционистов — превратится в осажденную Америку.

Короче, нынешняя политика Запада, ограничивая возможности противостояния угрозе, рискует, в перспективе, подвергнуть Запад опасности, хотя вначале такой риск будет не очень заметным. Слишком многие политические и общественные деятели демократических государств оправдывают нынешний курс, приравнивая Восток к Западу в нравственном отношении. Это притупляет чувство опасности и чувство перспективы. Особенно у более молодых. Наиболее парадоксально, что уступки Запада рассматриваются как достижения Горбачева без учета той роли, которую в этом процессе сыграл Рейган.

Очень важно, необходимо вести переговоры с Советским Союзом. Современная технология давит на сверхдержавы, вынуждая их к сосуществованию. Личность Горбачева в сочетании трудностями, которые в настоящее время переживает Советский

Союз, могут предоставить новые возможности для достижения этой цели. Однако такой процесс не автоматичен, его нельзя базировать на личных отношениях между руководителями государств. Напротив, переговоры с СССР должны основываться на серьезном анализе долговременных интересов и учитывать следующие факторы:

1. „Гласность” и „перестройка” представляют собой попытку модернизации советского государства. Это внутреннее дело СССР касается демократических государств Запада лишь постольку, поскольку оно сопровождается изменениями во внешней политике Советского Союза.

2. Любая перемена во внешней политике должна отразиться в конкретных переговорах по политическим вопросам. Эти переговоры должны касаться очагов напряженности: где и какие меры допустимы, при каких условиях и куда разрешается посылать оружие, где осуществлять разведывательную деятельность? На переговорах должны рассматриваться и комплексные вопросы, например, меры по предотвращению конфликта еще до его возникновения. В этом аспекте возможный вывод советских войск из Афганистана важнее переговоров по какому-либо другим вопросам.

3. Проходящие в настоящее время американско-советские переговоры по контролю над вооружениями слишком односторонни. Не следует принимать дальнейших мер по контролю над вооружениями, если они не будут увязаны с сокращением советских обычных вооружений. Поскольку в этой области Советский Союз обладает значительным преимуществом.

4. Без промедления следует уделить особое внимание достижению равновесия в области обычных вооружений. При определении такого равновесия необходимо отбросить цифровые показатели вооруженных сил и вооружений, поскольку, согласно преподанным нам историей урокам, победу одерживает не общая численность вооруженных сил и вооружений, а способность сконцентрировать их в решающей точке. На переговорах по сокращению обычных вооружений, которым прежде не уделялось достаточного внимания, продуманная концепция важнее, чем при обсуждении других вопросов контроля над вооружениями. Если решение по обычным вооружениям не будет

„ПРАЖСКАЯ ВЕСНА” И „ПЕРЕСТРОЙКА”

(Ответы Александра Дубчека на вопросы корреспондентов
органа компартии Италии „Унита”)*

достигнуто быстро, то намеченные переговоры по ядерным вооружениям станут ловушкой, и их исход определится лозунгами и внутривнутриполитическими соображениями. Советские представители уже сейчас предлагают сократить число своих танков взамен на сокращение численности западных самолетов, но это был бы еще один шаг к ослаблению Европы перед советскими ядерными вооружениями и к дальнейшему ограничению возможностей Соединенных Штатов нанести ответный удар с европейской территории. Такое соглашение было бы также шагом к отдалению Европы от Соединенных Штатов.

5. Первоочередная задача американской политики — определение (в сотрудничестве с союзниками США) жизненно важных интересов демократических стран, методов защиты этих интересов и позиции на переговорах с СССР.

Определение такой стратегии — сложная, но поддающаяся решению задача. Принимая во внимание состояние экономики обеих сторон, можно сказать, что демократическим странам Запада легче сохранить равновесие сил в мире, нежели Советскому Союзу изменить это равновесие в свою пользу. Демократическим государствам ни в коем случае не следует действовать под влиянием советского лидера, каким бы способным и обаятельным он ни был, поскольку они обладают всем необходимым для самостоятельного определения своего будущего.

В этом году исполняется двадцатая годовщина „Пражской весны”. В Советском Союзе — в партии и обществе — высказываются идеи и предложения, которые представляют собой суть чехословацкого курса 1968 г. Что же думаете вы, главный представитель „нового чехословацкого курса”, о горбачевской перестройке?

Дубчек: „Перестройка” неизбежна — объективно и субъективно. Это ответ на насущные проблемы всего социалистического сообщества. Поэтому я ее приветствую и поддерживаю. Я вижу ее глубокую внутреннюю взаимосвязь с проблемами, которые стояли перед нами 20 лет назад, однако в Советском Союзе эти проблемы несколько модифицированы местом и временем. Прошло много времени, особенно если учесть, чего можно было добиться за двадцать лет „нового курса” — для нашего государства, для социализма и социалистического движения. В то же время я ощущаю и 1968 г., и начало „пражской весны”, которое можно отнести к октябрю 1967 г., как совсем недавние события. Нынешние события в СССР во многом подтверждают жизнеспособность и актуальность наших идей.

Я буду говорить откровенно и о настоящем, и о будущем. Ваше обращение ко мне как к главному представителю „нового

* Перевод дается в сокращении. — Ред.